

Новая подборка.

Нина САВУШКИНА, Санкт-Петербург (Россия)

ДЕТИ БОГЕМЫ

Весенняя выставка

Мы разукрасим мир и разместим
на выставке, во флигеле старинном,
и, осветив витрины стеарином,
добавим в инсталляцию интим.

Мы предусмотрим в творческом меню
разнообразие жанров, стилей, версий.
Здесь попугай нацелился на персик,

там купидон – на перси юной ню.

Аквамарин, лазурь и изумруд
царят в пейзажах одухотворенных.
А за стеной, на мартовских газонах
все краски растекаются и мрут.

Один случайный зритель под окном –
за шторой французскою, в кулисах
грядущие соцветья в лапках лысых
сжимает куст – приземистый, как гном.

Так под хиджабом прячут динамит.
Расцвет природы обернётся взрывом.
И сквер, что был доныне некрасивым
все наши ухищрения затмит.

И краски вдруг осыплются с холста –
сухие, словно листья или кашель.
И что там в глубине, на дне – не наша ль
заправленная в рамку пустота?

Гобелен

Так долго я в упор смотрела на скопление
олений и людей на старом гобелене,
что ощутила вдруг родство с подбитой ланью,
отставшей от своих, назначенной к закланью.

Сородичи ее рванули прочь – к спасенью,
к дубраве, что манит развесистою сенью.
Следы укроет мох, он сух и равнодушен.
Охотники спешат навстречу из конюшен.

Сколь не летите вы, не обретёте крылья.
Сквозь бурную листву в вас стрелы наострили
закатные лучи... Зубцы далёких башен
изгрызли горизонт, и небосвод раскрашен.

Веками мчитесь вы в крови и позолоте,
но – пленники канвы - с картины не уйдёте...
Что ждёт на небесах святую душу лани?
Созвездье Гончих псов, их жаркое дыханье.

Запечатлеет вновь взор обречённый, карий
классический сюжет, где твари губят тварей,

мелькание копыт, дрожанье сухожилий,
а не прозрачный свод, где ангелы кружили.

Вернисаж

Мы, разминувшись, не вспомнить уже, когда же,
встретились, словно в песне - на вернисаже,
где ты имел немного смущенный вид.
Публика говорила – ты даровит.

Твой натюрморт отсвечивал мрачно –
череп на фоне треснувшего граната.
Сам же художник бледен был и сутул,
словно осенний ветер румянец сдул.

Издали глядя, как кошка на спаниеля,
думаю: «До чего же мы постарели».
Как говорится, «вместе нам не сойтись»,
но в этот вечер ты мне не скажешь: «Брысь!».

В те времена, в которых были никем мы,
именовали друг друга детьми богемы
и обожали ночью блуждать средь крыш,
воображая – ежу понятно – Париж.

Плещут во фляжках «Плиска», «Кагор», «Фетяска».
Малая доза риска – и рядом сказка,
где на закате драконий язык, лилов
лижет литые трюфели куполов...

Помнишь, пытались прибиться к одной тусовке?
Правда, попытки наши были неловки.
Там процветал самиздат и флирт наугад.
всякий, кто не чувиха, был бородат.

Ты, обкорнавшись, выглядишь чуть покорней
и приземлённей, словно не жилы – корни
в тело росли и тянут на глубину...
Дай, напоследок я на тебя взгляну.

